

«ДАВНО МОЖНО И ДОЛЖНО БЫЛО ПРЕДПРИНЯТЬ РЕВОЛЮЦИЮ...»

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОТЯСАЕНИЯ В ДНЕВНИКЕ И СУДЬБЕ ГЕНЕРАЛА Н. Д. ЗАРИНА*

В Гуверовском архиве в США хранятся несколько толстых тетрадей дневника генерал-майора Николая Дмитриевича Зарина (11 марта 1872 — 28 июня 1918), который охватывает период с 18 июля 1914 по 12 января 1918 г. Этот уникальный источник позволяет погрузиться в мир человека эпохи Первой мировой войны и революций, воссоздать атмосферу того времени. На первой странице дневника написано: «Дневник Н. Д. Зарина. Посвящается жене, детям и будущему потомству, для извлечения выдержек в исторический или какой иной вестник или журнал»¹. В год столетия революционных потрясений воля генерала начала исполняться².

Николай Дмитриевич Зарин происходил из старинного дворянского рода Псковской губернии, родился в семье героя Кавказской войны. Это был храбрый гвардейский офицер и высокообразованный генштабист. Зарин участвовал в Русско-японской войне, позднее получил известность как талантливый лектор, выступавший во многих городах России. На фронт Первой мировой он пошел командиром 100-го пехотного Островского полка. За бой 4 августа 1914 г. на позиции Бильдервейчен в Восточной Пруссии был награжден самой желанной для каждого офицера боевой наградой — орденом Святого Георгия 4-й степени. На следующий день полк Зарина, несмотря на отход

Генерал Н. Д. Зарин
Архив Гуверовского института

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022-ОГН «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

соседей, занял город Сталупенен, а 7 августа под Гумбиненом Зарин лично водил одну из рот в атаку, был ранен в ногу, но после перевязки вернулся в строй и продолжил командовать полком. За этот бой Зарин был произведен в генеральский чин³.

Выдающиеся качества офицера-генштабиста Зарин проявил в апреле 1915 г. в Карпатах, когда, будучи начальником штаба XXII армейского корпуса, настоял перед командиром корпуса на овладении сильно укрепленной горой Маковка, которую занимали австрийские войска (в том числе легион Украинских сечевых стрельцов). Против русских воинов австрийцы применяли здесь разрывные пули и техническую новинку — огнеметы. Кровопролитный пятидневный штурм завершился спланированной лично Зариным решающей атакой, которая привела к блестящей победе русских войск, взятию высоты и захвату свыше 2300 пленных и восьми пулеметов⁴. За это Зарин был награжден Георгиевским оружием.

Служебные отношения генерала складывались непросто. По свидетельству сослуживца, Зарин «спокойный и милый в обращении...», но «не у дел, вернее — не у оперативных дел. Последние вел теперь “лично” командир корпуса с капитаном Дорманом»⁵. Командир корпуса, суровый и решительный генерал А. Ф. фон ден Бринкен, оставил нелицеприятные отзывы о Зарине. В письме своему другу генералу В. И. Селивачеву 25 января 1917 г. Бринкен сообщал: «С г[енерал-]м[айором] Зариным я, слава Богу, расстался. Писать о нем не буду, скажу только, что я вместо наштакора⁶ и помощника имел старшего писаря, хитрого, честолюбивого, неискреннего, вселявшего во мне неприятное, гадливое чувство к пресмыкающему»⁷. В другом письме, от 10 февраля, обвинения повторились: «С уходом из штаба г[енерал-]м[айора] Зарина стало много лучше. Последнее время своей фальшивостью, неискренностью он настолько действовал мне на нервы, что я буквально не мог выносить его присутствия»⁸.

Автор дневника предстает перед нами как мыслящий офицер-патриот, который анализирует события сквозь призму собственного богатого боевого и жизненного опыта. Поэтому внимательный читатель найдет в записях периода Первой мировой войны и корни разочарования Зарина в старом режиме. В записи от 1 мая 1915 г. читаем: «Наверху нет никакого плана. Да и немудрено — для плана надо уметь работать, создавать, а наша вся система вырабатывает людей, знающих лишь текущую переписку и умеющих класть резолюции под диктовку докладчика. Такие господа вряд ли могут создавать планы — в этом я был уверен давно, а теперь с каждым днем убеждаюсь»⁹. 8 мая 1915 г. Зарин записал: «Черт знает — обман, личный интерес, карьеризм, протекционизм — Боже, как нам нужен Петр Великий и его дубинка, а без этого вряд ли хорошо будет»¹⁰. Эти мысли пришли к генералу под впечатлением от плачевного положения воюющей страны и ее армии. Всего через несколько лет с приходом к власти большевиков пожелание генерала сбылось, но едва ли он мог предполагать, что сам окажется жертвой новой эпохи.

Февральская революция застала Зарина на посту начальника 19-й Сибирской стрелковой дивизии. Генеральская реакция на отречение императора Николая II от престола необычна: «В Петрограде революция, государь отказался от престола. Наконец-то! Предчувствие мое оправдалось — Романовы своим правлением добром не кончат. И это так за-

служенно — последние Романовы были слишком ограничены как Александр III или слишком несчастны как Николай II. Я с радостным чувством вернулся домой и рассказал о событиях в штабе»¹¹. О негативных последствиях революционных потрясений генерал, похоже, не задумывался. На следующий день, 4 марта, по свидетельству генерала, «настроение у всех приподнятое — все смотрим вперед с глубокою верой в великое светлое будущее свободной России»¹². В беседах с другими генералами выяснилась картина растерянности командного состава — одни не могли понять, как можно существовать без царя, другие заявляли, что не признают нового порядка. Зарин же, улыбаясь, говорил им, что признать новые порядки придется, поскольку вся Россия признала.

Однако после эйфории первых дней революции наступило отрезвление, а затем и череда разочарований. Стало понятно, что смена режима лишь ухудшила положение страны и армии. Уже 9 марта 1917 г. Зарин записал, что военный министр Гучков — «невежда, вообразивший себя полководцем. Я считал его умнее»¹³. 24 апреля в связи с волнениями в Петрограде генерал терзался вопросом: «Господи, неужели придется горько раскаяться за содеянную революцию»¹⁴. Нелепые приказы революционных властей уничтожали дисциплину, солдаты стали вести себя бесцеремонно, начались братания с противником.

Весной 1917 г. Зарин по состоянию здоровья оказался не у дел. Как отмечалось в статье его памяти, вышедшей в белой Сибири, «будучи любим солдатами, он пользовался вполне их доверием и своим авторитетным словом умел прекращать всякие волнения и избегать эксцессов... но последствия сильной контузии головы все больше и больше давали себя чувствовать и стали грозить параличом всей левой стороны и правой ноги. Врачи настоятельно требовали серьезного лечения»¹⁵. Генерал удалился в родовое имение на Псковщине, где жил с семьей, совершая периодические визиты в столицу.

О восприятии генералом революционной реальности свидетельствует дневниковая запись от 17 июня 1917 г.: «Еду в деревню — в Питере прямо гадко — всюду солдат все загадил. Прямо у всех вызывает отвращение солдатская шинель; правда много преступников (говорят, 100 тысяч выпущено на свободу) гуляет под прикрытием этой шинели...»¹⁶

С 30 июня 1917 г. Зарин состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа¹⁷. 9 августа Зарина назначили председателем комиссии по рассмотрению чинов резерва, эту должность он занимал до октября 1917 г.

Но революция проникла и в деревню. Летом начались крестьянские волнения, поджоги помещичьих усадеб, а Зарин как помещик беспокоился за судьбу имений. Дневник революционной поры рисует образ примерного семьянина, помещика, обывателя. Зарин — сторонник старого уклада жизни, православной веры и размеренного быта. Человек суеверный, плохо ориентирующийся в политической жизни и живущий стереотипными представлениями о большевиках как о немецких шпионах.

Период лета — осени 1917 г., судя по дневнику Зарина, стал временем несбывшихся надежд. 22 июня Зарин радовался успехам начавшегося на Юго-Западном фронте «наступления Керенского»: «18го июня наша армия Эрдели¹⁸ в Галиции одержала крупный успех и нами занят

Калуш. Слава Богу — Керенскому удалось двинуть хотя [бы] часть войск вперед — это огромный шаг, только боюсь, что выйдет дальше — наступать надо очень осторожно, имея в виду ненадежность армии»¹⁹. Но вскоре наступление завершилось полным провалом.

Большая часть дневниковых записей за 1917 г. относится к общероссийским событиям, о которых Зарин узнавал из газет. Исключение составляло июльское выступление большевиков в Петрограде, которое генерал наблюдал лично, в связи с чем процитируем эти свидетельства. 4 июля в дневнике отмечено: «Пошел в министерство продовольствия — в Аничковском дворце. На Невском — шум, гам; на Садовой и у Гостиного двора слышны выстрелы, но все-таки я прошел благополучно. В министерстве мне сказали, что они делают распоряжение по телеграфу, чтобы земельные комитеты отнюдь не смели отнимать покосов; пришлось об этом же и нам [дать] именную телеграмму, чтобы бы могли показать ее. Все это очень разумно и показывает, что в этом министерстве установился правильный государственный взгляд. Если бы всюду было так, то мы бы могли стать на правильный путь революции. Но далеко не везде так — вот тут кипит разумная работа, а в окна слышится страшный шум толпы и выстрелы — и ведомства не принимают решительных мер для устранения этого безобразия — вот в этом гнездится темное будущее нашей революции. Из Аничковского дворца свернул за угол, на Фонтанку, вдоль Невского просвистало несколько пуль и где-то вдали слышалась трескотня пулемета. По Фонтанке окольными улицами пришел на Пушкинскую. В толпе постоянно слышалось: “большевики”, “подлецы”, “матросы”. Это все они из Кронштадта создают эти безобразия (конечно, не они, а немцы), и у всех чувствуется страшное озлобление против этих большевиков. Придя домой, я застал брата Сашу²⁰ прямиком из Луги. Я посоветовал ему тотчас уехать назад, пока здесь не разыгрались худые дела, и он уехал. По телефону говорил с Аничковым — конечно в министерстве внутренних дел он ничего не добился. Я просил его ехать в Порхов и передать помещикам, то, что мне обещали в продовольственном ведомстве. На улицах столицы до глубокой ночи то там, то здесь раздавалась стрельба и крики...»²¹

Запись от 6 июля свидетельствует о подавлении выступления: «Вышел на Невский. В городе успокоение; всюду видны прибывшие с фронта казаки, которых народ встречает как спасителей. “Измена”, — на устах толпы, измена в Совете рабочих и солдатских депутатов, среди которых оказались главари выступления. Вот прекрасный момент для Керенского — если только он действительно крупная историческая личность, то воспользуется этим моментом и арестует этот преступный Совет, издав соответственную декларацию — что мол демократический орган проштрафился, надо очистить его, чтобы снять позор с народного учреждения — Керенский, стоявший теперь на самой высоте своего величия, пользующийся огромным доверием толпы, только Керенский и мог это сделать, арестовать Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, и вся бы Россия это приветствовала, а всякая сволочь невольно поджала бы хвосты. И факт был бы совершен — голова этой печальной гидры была бы отрублена, местные Советы лишились бы их преступного руководства и замерли бы сами собою, и Временное правительство могло бы взять всю власть в свои руки и повести несчастную Родину по правильному пути. Но сделает ли это Керен-

ский? Думаю, нет, т[ак] к[ак] производит впечатление ничтожного человечка. Зашел в штаб округа — здесь поспокойнее — Петропавловская крепость сдалась, большевистское выступление подавлено. Все требуют суда и расправы. Ну, Керенский, покажи, что ты есть — очередь за тобою...»²² Разумеется, эти ожидания завершились очередным разочарованием.

Тягостные мысли высказал генерал и после неудачи выступления генерала Л. Г. Корнилова в августе 1917 г.: «Корнилов в своем легкомыслии... погубил все. Погубил и правое дело, т[ак] к[ак] злобная левая клика и всякая революционная сволочь подняла целый вой против “бунтующих генералов и офицеров”, и стихийное избиение их началось в разных местах. Особенно ужасны кровавые расправы в Выборге»²³. Провал корниловского выступления породил у Зарина настоящую тревогу за будущее страны: «Так скоро и блестяще провалили дело! А теперь будет окончательное слово за большевиками»²⁴, — пророчески заключил генерал 5 сентября 1917 г.

Октябрьский переворот Зарины встретили в псковской глуши. 26 октября 1917 г. генерал записал: «В Порхове определенного ничего не узнал, только факт, что Керенский и правительство свергнуты, но кем — не знают; очевидно большевиками. Не знаю — радоваться ли! Что выбросили эту сволочь Керенского — отлично, но что будет дальше! Пожалуй, чем хуже, тем лучше!! — скорее дойдем до порядка»²⁵. В интеллигентских беседах с братом Александром, убежденным монархистом и бывшим депутатом Государственной думы, шли споры по поводу того, жива ли Родина, допустимо ли принять немцев как освободителей. Генерал Зарин в этих спорах выказывал себя чуть ли не революционером: «Я резко упрекал его — наше царское правительство довело Россию до всего, что она переживает, давно можно и должно было предпринять революцию, а то вечное шатание — то вправо, то влево! И стыдно русскому дворянину, члену Госуд[арственной] думы и предводителю дворянства так говорить, открывать объятия немцам и обливать помоями весь русский народ и армию. Вообще наговорил брату много горького и с тем разошлись на ночь. На душе остается какой-то горький осадок»²⁶. Такие оценки сочетались у Зарина с резким неприятием большевиков.

Затем наступили томительные дни неведения. Газеты до 8 ноября 1917 г. не приходили, понятно было лишь, что Петроград захвачен большевиками, и Керенский ведет на столицу войска. Зарин скептически смотрел на такой поход, справедливо полагая, что солдаты вряд ли пойдут «за этим мерзавцем»²⁷.

Пытаясь разобраться в событиях, генерал беседовал с крестьянами: «Спрашивали меня о перевороте в Петрограде, охали и вздыхали, говоря: “Плохо без хозяина, не будет добра”. Так говорят крестьяне с самого начала революции, указывая, что без царя — хозяина не может быть на Руси порядка. И, пожалуй, это правда!»²⁸ Общее настроение было тревожным — «все чувствуют, что совершается что-то скверное»²⁹.

С появлением прессы картина начала проясняться. 8 ноября 1917 г. генерал записал: «Во главе правительства поставил себя Ленин под названием председателя Совета народных комиссаров. Вот так народный комиссар — приехавший прямо из Германии, всю жизнь проведший, очевидно, там же; сколько раз его пытались арестовать как немецкого шпиона, все газеты 1/2 года писали о нем как о «немецком выходец», общество

давно требовало его ареста, и только ничтожный Керенский не решался, а Совет рабочих и солдатских депутатов скрывал его. И вот теперь он вдруг выплывает как правитель России! Господи, неужели же Россия признает его, этого явного немецкого шпиона, шантажирующего на социализме. Вместо министров назначены “народные” комиссары — все проходимцы, псевдонимы их — Троцкий (иностран[ных] дел), Луначарский (народн[ого] просвещения), Подвойский (военный), Дыбенко (морской), Стучка (юстиции), а как их настоящие фамилии — Аллах знает, жида или немца! Да, дождалась Россия новых тяжких испытаний! Но признает ли Россия, признает ли армия!»³⁰

Печальные размышления доносят записи от 10 ноября 1917 г., когда стало известно о боях в Москве, обстреле Кремля и разрушениях в нем (слухи, как водится, были преувеличены): «Боже, какой ужас! Мерзавцы, которым ничего не свято!.. неужели Россия окажется не в состоянии выбросить эту пришлую сволочь; преступно именующую себя правительством и социалистами»³¹. Супруга генерала в тот день даже плакала от таких известий.

Семейная поездка в уездный Порхов 19 ноября добавила впечатлений: «Около Порхова всюду уже чувствуются результаты большевизма — ограбили массу имений»³². Возвращаться пришлось 21 ноября с приключениями — в лесу раздавалась стрельба.

Запись от 24 ноября содержала точный прогноз, что большевики разгонят Учредительное собрание: «Интересно, как отнесется к этому народ, который полгода подготавливался к Учредительному собранию, верит в него и ожидал, что на нем будут разрешены все вопросы. Теперь ясно, что новая мерзкая власть разгонит это собрание»³³.

Новый режим постепенно подминал под себя печать и устранял политических соперников: «Даже крайние партии попали в контрреволюционные и объявлены врагами, как правые эсеры..., а про партию кадет и Милюкова и говорить нечего. В результате — мы не получаем ни одной газеты, кроме паршивых Известий Центрального исполнительного комитета Петроград[ского] Совета раб[очих], солд[атских] депутатов, захлебывающихся от радости и проповед[ыв]ающих все прелести большевистской власти и порядка»³⁴.

Власть сменилась, а яростный противник большевизма Зарин, как и прежде, продолжал получать генеральское жалованье. 18 ноября 1917 г. он записал: «Надо выждать событий, если советская власть останется, то, конечно, никуда к ним не пойду»³⁵. Размышляя о перспективах дальнейшего существования, Зарин писал, что лучше пойти по миру или выполнять какую угодно работу, чем служить большевикам. В декабре генерала занимали тревожные мысли о том, что Псковскую губернию к весне займут немцы и необходимо уезжать.

Позднее Зарин, если верить мемориальной статье о нем, опубликованной в белой печати, решил отправиться в Добровольческую армию. Осуществить задуманное не удалось. По этой версии, в феврале 1918 г. семья в качестве беженцев выехала на юг. «Трудно было пробираться на юг: бездорожье, забастовки, отсутствие сообщений. Из Ряжска решено было повернуть на восток, чтобы присоединиться к начинавшемуся на Волге восстанию», — писал неизвестный автор из окружения Зарина³⁶. Впро-

чем, налицо несоответствие описываемых событий по времени. Гражданская война в Поволжье развернулась лишь в конце мая — начале июня 1918 г. В феврале 1918 г. генерал, не имевший отношения к подпольным антибольшевистским организациям (у них действительно существовали планы ведения борьбы с большевиками в Поволжье), едва ли мог пробираться туда с целью участия в каком-либо сопротивлении новой власти. Более вероятно иное. Зарины уехали из своего псковского имения, опасаясь немецкого наступления в начале 1918 г., а далее пытались переждать смутные времена у знакомых.

Капитан И. С. Ильин оказался свидетелем последних дней жизни генерала и зафиксировал эти события в своем дневнике. Он встретил генеральское семейство в июне 1918 г. в имении семьи Мертваго Репьевка Сызранского уезда Симбирской губернии. Жизнь в имении представляется не лучшей стратегией для выживания в той ситуации, тем более что крестьяне в Репьевке были революционно настроены. По всей видимости, семья не готова была бросить имущество. Ильин, впоследствии белый офицер, уговаривал Зарина уехать, но тот был непреклонен: «От немцев уходил и цел остался, а от этой сволочи и подавно уйду»³⁷. Ильин почувствовал неловкость, как будто уговаривал из трусости. Как бы то ни было, в поведении генерала не прослеживалось стремления к активной борьбе с большевиками. Отметим, что Ильин из Репьевки уехал в Сызрань, где вступил в Народную армию Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Такая стратегия позволила ему не только уцелеть в Гражданскую войну, но и дожить в эмиграции до 1981 г.

Но генерал Зарин остался в имении и погиб на глазах у семьи. Чудом спаслись жена генерала Евгения Сергеевна с сыном Львом и дочерью Ольгой. По прибытии в Самару они рассказали о случившемся. 28 июня красные обстреляли село и церковь, а затем подошли к господскому дому. Дом был разграблен, картины разорваны и сожжены. Зарины направились в деревню, причем генерал был переодет мужиком. Какой-то молодой парень опознал его. Красноармейцы потащили Зарина к амбару, он упал на колени и стал молиться, тогда его застрелили. Схватили и генеральшу, но сын плакал и просил пощадить мать, в результате несчастную женщину оставили в покое, приказав немедленно уходить³⁸.

Заключительная тетрадь генеральского дневника о событиях 1918 г. погибла в Репьевке. Между тем в этой тетради должны были содержаться важные наблюдения о начале Гражданской войны, о восприятии тех событий генералом и о том, что он собирался делать.

Семья Зариных эмигрировала в Китай. Сын Лев обосновался в Шанхае. Судьба его трагична — в октябре 1931 г., после разговора с женой, выстрелил в себя из винтовки³⁹. Вдова генерала дожила до второй половины XX века (по данным на 1940 г., жила в Шанхае, также сохранилось ее фото 1953 г., сделанное в Кейптауне), хранила память о муже и даже перевела на английский язык весь его обширный дневник. Судьба дочери Ольги неизвестна.

Дневник Н. Д. Зарина является важным источником по истории Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. Хочется надеяться, что он со временем будет введен в научный оборот в полном объеме.

Генерал Зарин весной 1917 г. приветствовал революцию и ранее на фронте мечтал о возрождении петровской дубины, но сам оказался одной из первых жертв новой реальности. Попытка автора мемориальной статьи в белой печати представить его борцом с большевиками, а не жертвой собственной пассивности и нежелания примкнуть к антибольшевистским силам преследовала несколько целей. Прежде всего, антибольшевистские мотивы усиливали пропагандистский пафос статьи. Но подобное объяснение имело и очевидный конъюнктурный смысл, поскольку могло улучшить положение семьи генерала при белых.

¹ Архив Гуверовского института (HIA). N.D. Zarin collection. Box 1. Дневник. Кн. 1. Л. 1.

² Публикацию отрывков из дневника за 1917 г. см.: Генерал-майор Николай Зарин: Убрали овес; готовимся молотить... / публ. А. В. Ганина // Родина. 2017. № 11.

³ Жертвы красного террора. Николай Дмитриевич Зарин // Русская армия (Омск). 1919. № 50. 12.03. С. 2. Анонимный автор статьи памяти Зарина был знаком с его дневником. Возможно, авторство принадлежало вдове генерала, либо представители семьи Зариных помогали автору материалами. В любом случае автор статьи должен был находиться на территории белой Сибири.

⁴ Подробнее о штурме см.: Каширин В. Б. Взятие горы Маковка. Незвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010.

⁵ Сергеевский Б. Н. Пережитое. 1914. М., 2009. С. 170.

⁶ Начальника штаба корпуса.

⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 9в об.

⁸ Там же. Л. 26а об.-26б. Подробнее см.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Незвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 56.

⁹ HIA. N.D. Zarin collection. Box 1. Дневник. Кн. 5. Лист не нумерован.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Кн. 7. Л. 2 об.-3.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Там же. Кн. 8. Л. 21.

¹⁵ Жертвы красного террора. Николай Дмитриевич Зарин. С. 2.

¹⁶ HIA. N.D. Zarin collection. Box 1. Дневник. Кн. 8. Л. 36.

¹⁷ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 432.

¹⁸ Генерал И. Г. Эрдели командовал 11-й армией.

¹⁹ HIA. N.D. Zarin collection. Box 1. Дневник. Кн. 8. Л. 37.

²⁰ Саша — брат генерала. Александр Дмитриевич Зарин (1870–1937) — общественный деятель, монархист, член Всероссийского национального союза, депутат 3-й и 4-й Государственной думы от Псковской губернии. Владел имением Ольгино Порховского уезда Псковской губернии.

²¹ HIA. N.D. Zarin collection. Box 1. Дневник. Кн. 8. Л. 40–41 об.

²² Там же. Л. 44 об.-45 об.

²³ Там же. Л. 67 об.-68.

²⁴ Там же. Л. 70 об.-71.

²⁵ Там же. Л. 90 об.-91.

²⁶ Там же. Л. 91.

²⁷ Там же. Л. 92.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 94.

³⁰ Там же. Л. 95–95 об.

³¹ Там же. Л. 96.

³² Там же. Л. 97 об.-98.

³³ Там же. Л. 100.

³⁴ Там же. Л. 100 об.

³⁵ Там же. Л. 97 об.

³⁶ Жертвы красного террора. Николай Дмитриевич Зарин. С. 2.

³⁷ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 266. Публикаторами дневника фамилия генерала была ошибочно расшифрована как Зорин, из-за чего они не смогли установить, о ком идет речь (Там же. С. 451).

³⁸ Там же. С. 280.

³⁹ Шаронова В. Г. Некрополь русского Шанхая. М., 2013. С. 191.